

Глава 1

Да здравствует служба на благо короны, моего шефа и меня. Я успела осмыслить грядущие перемены, предстоящие проблемы, возможные сложности и клятву, которая гарантирует, что никто меня не похитит с целью выпытать неизвестные мне тайны. Нет, всё же хорошая клятва дается работниками магического надзора. Попытаешься проболтаться или продать информацию — и либо впадешь в кому, либо потеряешь сознание. И то и другое не даст никому никакого результата.

Хорошая разработка, и если маркиз ди Кассано принимал в ее создании участие, то я начинаю его уважать еще больше.

Пока я размышляла о своей новой жизни и службе, на которую угодила, мы с его сиятельством добрались до третьего этажа здания, где располагался магический надзор. Я за дорогой не следила, задумавшись, но помнила, что нам нужно правое крыло, а в левом обитает герцог Антион.

Здесь двери в кабинеты были несколько приличнее, чем на первом и втором этажах. Мы дошли почти до самого конца коридора, и лорд распахнул дверь справа. Пропустил меня, вошел следом и обратился к молодому мужчине, вскочившему

при нашем появлении из-за стола, заваленного папками.

— Анри, добрый день. Эрика, позвольте вам представить моего секретаря Анри Загрó. По всем вопросам вы смело можете обращаться к нему. Он же введет вас в курс дел и поможет освоиться. Анри, я на тебя рассчитываю. Про леди Эрику ди Элдрé я тебе уже рассказывал. Как ты знаешь, она мой личный ассистент и входит в ближний круг семьи.

— Леди ди Элдре, — поклонился мне парень.

— Добрый день, господин Загро. Надеюсь, вы не дадите мне потеряться и растеряться, — улыбнулась и, проследив взгляд на мою прическу, сразу же пояснила: — Немножко умирала когда-то. Но это уже давняя история. Ах да, я вижу призраков по этой же причине. У вас тут водятся?

— Н-нет, — чуть запнулся он и бросил взгляд на своего начальника.

— Жалко, — ничуть не расстроилась я. — Им обычно ужасно скучно, ведь их никто не видит, и они охотно помогают советом или могут проводить к нужному помещению.

— Анри, я к себе. Проводи леди на дачу клятвы, и пусть ей сделают пропуск и допуск на верхние уровни. После этого покажи, что тут и где в приемной, и потихоньку вводи в дела. Эрика, никаких поручений к вам у меня пока нет. Ваша задача втянуться, узнать максимум информации, изучить здание и что где располагается. Ну и постарайтесь познакомиться с людьми. Я буду у себя. Приходите, уходите, можете посидеть здесь или в моем кабинете. Вопросы по существу задавайте, если же про-

сто так — меня не отвлекать. Всё ясно? — обвел нас строгим взглядом маркиз ди Кассано.

— Так точно, шеф! — ответила я.

— Слушаюсь, ваше сиятельство, — почти повоенному отвесил короткий поклон Анри.

А как только маркиз скрылся за дверью своего кабинета, мы с парнем уставились друг на друга.

— Кхм... Леди ди Эldre, мы...

— Давайте по-простому, господин Загро? Пока мы на работе — просто Эрика. Ну или леди, — увидела я поджавшиеся губы.

— Анри. Прошу вас, нам нужно поторопиться с клятвой, пока вы ее не принесете, вам даже находиться здесь нельзя. А то вдруг что-то лишнее увидите.

— Ведите! А это больно? Я не то чтобы трусишка, но не очень люблю, когда всякие ужасы. Анри, если вдруг начну плакать, не пугайтесь, но носовой платок на всякий случай прихватите. Я, кажется, забыла свой дома. И где можно оставить пока мои вещи?

— Нет, это не больно, — оттаял секретарь маркиза. — Пойдемте, леди... Эрика. А вашу сумку можем пока убрать сюда, в шкаф. Вы позволите помочь?

Клятву я приносила в подвале. Вот как чувствовала, что это не просто клятва. В магически защищенной комнате, куда можно было войти мне одной, за толстой металлической дверью хранился под охраной дежурного мага артефакт: пирамидка из отшлифованного кристалла горного хрусталя, вплавленного в черный металл. Требовалось сесть

за стол, на котором он покоился, положить на кристалл обе руки и прочесть с бумажки текст клятвы о неразглашении.

Когда я дочитала, мои ладони кольнуло, будто иголочками. Но когда я вздрогнула и рефлекторно отдернула руки, то не обнаружила на них ранок или порезов. Хотя ощущение, что немного крови всё же было изъято, меня не покидало.

Артефакт вдруг мягко засветился, но сразу же погас, а дверь открылась, и меня позвал охранник:

— Попрошу на выход, дамочка. Ваша клятва принята. Записи собраны, я также внес вас в реестр.

— Записи собраны? — не поняла я, но к выходу поспешила. Низкий потолок в комнате давил на нервы.

— Слепки ауры и крови.

— Понятно. Анри, я всё, — кивнула я ожидающему в стороне секретарю.

Приняв руку охранника, чтобы переступить через высокий порожек, я сделала шаг, споткнулась и застыла.

Опять!

Сказать или нет?

Отпустив руку охранника, я медленно повернулась к нему и взгляделась в его лицо. Сероватая кожа, тени под глазами, сеточка сосудов на щеках и носу, одышка, хотя лишним весом он не обременен.

— Что? — глянул он на меня, ожидая, пока я выйду.

— Вы больны? Что лекари говорят? — тихо спросила я.

— Откуда?.. Вы целительница? — подался он ко мне. — Что-то почувствовали?

— Почувствовала... — тихо протянула я, поправила прическу, привлекая внимание к своим седым локонам, в надежде, что работающие здесь люди всё же больше понимают, чем курицы-невесты. И, кашлянув, добавила: — Нет, я не целительница.

— О... — спал с лица мужчины и потер грудь слева. Понял, о чем я. — Скажете?

Я помялась. Настроение испортилось, в горле встал ком, а к глазам подкатили слезы. Ненавижу это!

— Говорите, леди. Не бойтесь, — правильно понял заминку охранник и устало вздохнул. — И сам уже чувствую, что вот-вот к предкам отправлюсь. Так хоть успею дела доделать да с семьей попрощаться.

— У вас два дня. Ночью, во сне... — еле слышно проговорила я и прикусила губу. — Простите...

— Спасибо! — неожиданно просветлел он лицом и низко мне поклонился. — Уф, просто камень с души сняли. Я уж боялся, что мучиться буду или что страшное. А во сне — это счастье. У меня сильные боли, лекари говорят: опухоль и, дескать, щупальца она по всей грудиने пустила. Ничего нельзя сделать, только оттягивали кончину последний год. Я уж тогда поменяюсь сменой, чтобы тут, значит, на дежурстве, а не дома. Не хочу дочек пугать, маленькие они. А вот если бы еще время точное? Сможете, леди?

Я покачала головой и всё же не сдержалась, сморгнула слезинку.

— Не плачьте, леди. — Обреченный мужчина схватил меня за руку и несколько раз ее поцеловал. — Я слышал, тяжкая эта ноша. Примите мои

искренние сожаления, что вам пришлось пережить гибель и принять после возврата с того света такой трудный дар. Несправедливо, я считаю, что только девочки... Но... Благословите меня, вестница смерти.

— Легкой смерти и счастливого забвения, — произнесла я фразу, которую мне подсказали когда-то очень давно жрецы в храме.

Анри молчал, слушая наш разговор. Не проронив ни слова, предложил мне руку, и мы пошли обратно. И лишь при входе в приемную главы отдела ментальных расследований он заговорил:

— Его сиятельство не сообщил, что вы...

— Я не говорила ему. Это работает лишь при личном контакте и при... близкой кончине. Мне еще повезло, я не вижу, как некоторые, лишь при одном только брошенном взгляде. Мне жаль, что он умрет.

— Кто умрет? — не нашел более подходящего момента его сиятельство, чтобы выйти из своего кабинета. — Эрика? Вы плакали? Что случилось?

И тут у меня сдали нервы. Я развернулась, выскочила из кабинета и стремительно полетела к уборной. Мне нужно умыться и побыть несколько минут наедине с собой, своими мыслями и своим даром. Даром вестницы смерти.

Как я радовалась, глупая, поначалу. Испугалась, конечно, но была тогда совсем еще ребенком и не поняла. Думала, у меня проснулся дар некромантии, я смогу призвать папу с мамой и оживить их. И дядю с тетей...

Оказалось же... М-да.

А вот Мари́ке повезло. Любые магические способности пробуждаются не в теле, а в душе и в ауре. Так что лишь я стала вестницей смерти и останусь ею навсегда, даже когда нам удастся исправить ошибку вернувшего нас к жизни некроманта.

Уборную мне показал Анри, когда вел давать клятву. Так что мне не пришлось в слезах спрашивать сотрудников отдела, где можно привести себя в порядок. Бежала целенаправленно. А там, чуток похлопав носом и смаргивая слезинки, я всё же успокоилась. Не впервой ведь. Умылась и вышла наружу.

Упс!

А уборная-то одна на всех, а работают-то тут в основном одни мужчины. Медленно заливаясь краской от взглядов, брошенных на меня стоящими неподалеку господами, я повернулась и врезалась в чью-то грудь.

— Ой! — вцепилась я в кого-то, чтобы не упасть.

— Эрика, вы как? — произнес этот некто голосом моего начальника. — Анри мне всё рассказал. Почему же вы меня не поставили в известность?

— Да как-то... — пожалала я плечами и отодвинулась.

Его сиятельство смотрел на меня с участием. Это успокоило. Обычно люди, узнав, что я вестница смерти, либо шарахаются, либо осеняют себя обережным знаком и смотрят с ужасом, либо стараются со мной больше вообще не пересекаться.

Хотя нет, есть еще ипохондрики, у которых малейший чих или прыщик — это смертельная бо-

лезнь. И вот эти господа начинают меня дергать постоянно — не умирают ли. А когда оказывается, что нет, смерть им в ближайшее время не грозит, жутко оскорбляются. Ведь у них всё так плохо, а они, оказывается, вовсе не при смерти. Вот где логика?

— Пойдемте. Расскажите мне всё, — предложил мне локоть лорд Риккардо и повел обратно к своей приемной. — Или пока не желаете? Мне просто подумалось, что вам захочется поговорить.

— Да не о чем особо говорить, — хмыкнула я тихонечко, оценив его деликатность. — Это началось примерно через полгода после... Ну, вы поняли... Но у меня дар вестницы работает только при личном контакте, требуется прикоснуться к человеку. На других расах не доводилось проверять, поэтому не могу ничего сказать пока. И я вижу только в том случае, если кончина в ближайшие семь дней. Если же грозит несчастный случай и внезапная гибель, то три дня.

Я запинаясь, пытаюсь подобрать слова. Ужасно всё же это. И действительно, горько, что только женщины становятся вестницами смерти. И только те, которые умерли в детстве, маленькими девочками, еще до того, как у них пришли первые женские дни. Ну и надо, чтобы несчастных девчушек сумели быстро вернуть к жизни.

Причем никто так и не смог понять, как это работает. Почему одни погибшие и воскресшие малышки становились вестницами и видели грядущие смерти, а другие нет. Ставили даже эксперименты, как я узнала позднее. Детей всегда умирает много, в том числе девочек. Сироты, бездомные, нищие...

Некроманты пытались возвращать с того света умерших девочек. Но лишь одна из нескольких десятков получала дар.

И эксперименты прекратили, так как магов смерти мало, а процесс удержания души или вообще возврата ее — это крайне сложное и энергозатратное колдовство. На которое способен еще и не каждый некромант, а лишь с высоким уровнем дара.

Наш с Марикой случай — наглядный пример. Мы с ней погибли одновременно. На наше счастье, попали в руки старому некроманту — в буквальном смысле, наши трупы оказались у него, — который пожалел двух хорошеньких малышей, как он потом говорил. Тем более что с нашими родителями он был знаком. Вот и провел обряд, выдернул обратно в реальный мир наши души и привязал к телам. Чуть-то ошибся, правда. Но не его вина, мы с Марикой хоть и кузины, но очень похожи. Ведь наши отцы близнецы. Да и зовут нас похоже: Эрика и Марика. А сокращенно — обе Рйки.

Так вот, умерев одновременно, пробыв за гранью жизни одинаковое количество времени и воскреснув в одно и то же время, дар вестницы смерти получила лишь одна из нас — я. А Марика так и осталась совершенно обычной девчонкой, с тем же уровнем магических способностей, что и до смерти. У нее они небольшие. Свечку зажечь могла, тарелку очистить, ну и по мелочи.

То есть магический дар не меняется. Но почему-то, по никому не ведомым причинам или же по воле богов, у кого-то из умерших и воскресших девочек появляется способность предвидеть смерть.

Но мы с кузиной обе видели призраков и обе стали совсем седыми. Это одинаково для всех умерших и оживших.

— А вы всегда сообщаете о грядущем? — спросил между тем лорд Риккардо, всё так же бережно придерживая меня под руку.

— Нет, — помедлив, призналась я. — Не всегда. Иногда просто не могу. Но если человек болен или я понимаю, что ему нужно оставить завещание, распоряжение, позаботиться о близких... Тогда говорю. Чаще всего меня за это ненавидят. Но, правда, некоторые всё же, придя в себя, осознают, что я лишь вестница. Я не призываю смерть, а только вижу.

— Учтем, — пожал мне руку, лежащую на сгибе его локтя, маркиз и, открыв дверь в приемную, пропустил внутрь.

Там уже ждал Анри, который тут же вскочил и начал переминаясь на месте, не зная, что ему делать. Потом вспомнил, полез в карман и протянул мне носовой платок:

— Вот. Простите.

Я фыркнула и улыбнулась. В общем-то, я уже успокоилась. Минута слабости прошла, продолжем жить дальше. А платочек всё же забрала и сообщила, что отдам вечером, если не пригодится.

Маркиз, убедившись, что я уже в порядке, ушел к себе в кабинет, а мы с Анри остались в обществе друг друга. Он показал мне, на какой полке что стоит. В общих чертах объяснил принцип ведения и хранения дел. Какие бумаги куда подкалываются.

Потом продемонстрировал, как сортировать входящую корреспонденцию и отчеты.

Объяснения звучали примерно так:

— Это сюда, это туда. Это — в этот лоток и не вскрывать, а это, наоборот, вскрывать, но не читать. А это читать, найти нужную папку и вшить к остальным документам.

Периодически заходили посыльные и приносили то бумаги, то папки, то для меня пропуск. Это оказался не документ, а жетон на цепочке, который нужно было всегда иметь при себе.

Потом Анри мне вежливо намекнул, что кое-кому еще и поработать бы хотелось. Так что я еще сама облазила вдоль и поперек всю приемную, заглянула в каждый шкаф и на каждую полку. Подвигала стулья. Полюбовалась на стекла грязного окна и на пыльный подоконник, прячущиеся за не очень свежей шторой. Заглянула в стоявшие там зачем-то вазу и графин. Пустые и тоже пыльные. Больше никакой посуды не обнаружила, даже самого завалящего стакана или кружки.

Потом я тихо поскреблась в дверь кабинета и, не дожидаясь разрешения, просочилась внутрь.

Хозяин его сидел за огромным столом, с головой погрузившись в бумаги. На меня взглянул, на вопрос «можно ли тут всё осмотреть и позаглядывать» кивнул и вернулся к работе. И я повторила разведывательный рейд, сунув нос везде, где только можно. Потом расчихалась от пыли, убрала с носа паутинку, обнаруженную у одного из двух окон. Не нашла абсолютно ничего интересного и стоящего и выбралась наружу.